ВВЕДЕНИЕ

В 2022 году исполняется сто лет образования Союза Советских Социалистических Республик. Актуальные вызовы мирового развития обуславливают обращение к опыту СССР, во-первых, как системе, успешно выдерживающей внешнее давление со стороны Запада, во-вторых, как системе, генерировавшей альтернативу общественного развития человечества.

Запрос на изучение Советского Союза с позиции его опыта функционирования в условиях внешнего давления обуславливается новой консолидацией западного мира — теперь уже против Российской Федерации. Но постсоветская Россия институционально к этому давлению не была предназначена. Отсутствовала даже методология управления в чрезвычайных условиях. Российская Федерация по своему устройению была сконструирована исходно под целевой ориентир вхождения в единый западноцентричный мир.

Совсем иначе формировался Советский Союз — в условиях блокады и угроз нового военного вторжения. Создавался он В. И. Лениным вопреки собственной же теории, сформулированной в работе «Государство и революция». Первоначально лидер большевиков видел будущее государство в качестве некоего аналога Парижской коммуны, но обстоятельства — внешние и внутренние, заставили прибегнуть к ряду мер, казавшихся первоначально чрезвычайными. Взятая за основу государственного строительства рецептура чрезвычайного определила суть советской мобилизационной модели.

Еще Аристотель противопоставлял две стратегии жизни — для получения удовольствия и для предотвращения несчастья. Советская модель исходила из второй аристотелевской парадигмы. Ее можно было бы также определить в качестве модели мобилизационной. При формировании модели постсоветской государственности была предпринята попытка выстроить си-

стему, исходя из первого этического императива, что показало свою функциональную несостоятельность.

Особенно актуальным оказалось обращение к советскому опыту в контексте проведения Специальной военной операции, оцениваемой многими экспертами в качестве полномасштабной войны. На высшем властном уровне прозвучали апелляции к советскому опыту, казавшимся невозможными три последних десятилетия — о национализации, опоре на собственные силы, монополии внешней торговли, государственном планировании, цензуре и пропаганде.

Еще в 2021 году увидела свет книга «Кристалл роста к русскому экономическому чуду», за авторством А. С. Галушки, А. К. Ниязметова, М. О. Окулова — представителей высокого уровня государственной власти, в которой посредством привлечения больших объемов статистики обосновывалось положение об эффективности советской модели управления. И хотя при этом в книге ничего не говорилось ни о коммунистической идеологии, ни о персоналиях партийной власти, ее выход можно назвать идеологическим переломом в отношении к Советскому Союзу.

Вторая актуализация советского опыта связана с запросом на выдвижение идеологической альтернативы западному гегемонизму. Однополярный мир, формирование которого опиралось на идеологию либерализма, оказался в ситуации неразрешимого ценностного кризиса. Доведенный до своего логического предела либерализм породил постмодерн, а тот, в свою очередь, вызвал деструктивные процессы, угрожающие распадом любой социальности. Тема исчерпанности капитализма составляет сегодня мейнстрим мировой общественной мысли. О том, что капитализм себя исчерпал, заявляется даже такой ассоциируемой с глобализмом структурой, как Римский клуб. Главным вопросом мировой повестки является вопрос о том, кто станет актором выдвижения идеологической альтернативы и каково будет ее содержание. Политические события 2022 года показывают, что на роль такого актора с очевидностью выдвигается Россия. И здесь без опыта СССР, сумевшего не только выдвинуть альтернативную идеологию, но и выстроить вокруг нее самостоятельную мир-систему — бесценен.

Оба обозначенных запроса общественной повестки выводит, таким образом, на обращение к осмыслению советского исторического опыта. Первый из запросов адресует к изучению институтов жизнеобеспечения СССР, второй — советской системы

ценностей. Обе эти адресации выводят на задачу применения к истории СССР методологии цивилизационного анализа.

Российская государственность исторически выстраивалась на цивилизационно идентичном ценностном фундаменте. Этот фундамент был существенно отличен от того, на котором основывалось государственное бытие стран Запада. Сохранение собственных ценностных оснований являлось фактором успешности России, тогда как отступление от него оборачивалось периодами кризисов и катастроф.

Не единожды предпринимаемые попытки перестроить Россию по западным лекалам всегда оборачивались системными провалами. Очередная попытка такого рода была предпринята в ходе постсоветского либерального реформирования. Построить новую систему жизнеобеспечения так и не удалось.

Один из главных теоретиков неолиберального реформирования России начала 1990-х годов, соавтор гайдаровской политики «шоковой терапии», — Джеффри Сакс по прошествии времени сделал в отношении своего реформационного опыта в России следующее признание: «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». Сакс не только признавал провал неолиберальных реформ, но и констатировал принципиальную невозможность преобразования России по западным лекалам — у нее другая анатомия. Фиксация наличия у России особой анатомии означает, что построить из нее вторую Америку или вторую Западную Европу принципиально невозможно. Исходом таких попыток станет или цивилизационная смерть, или цивилизационное отторжение реформ.

Цивилизации — это не только культурные различия народов, но и вырабатываемые тысячелетиями фундаментальные особенности жизни сообщества людей. В этом смысле можно говорить о социальных цивилизационно-ценностных генетических кодах, сходных, по существу, с биологическими кодами живых организмов. И если мы понимаем, что в биологическом случае генетические мутации приводят к уродствам и к гибели организма, то ровно так же попытки вторжения в социальный цивилизационно-ценностный генетический код приводят к не менее опасным последствиям. Как и в биологической природе в цивилизационном поле действуют принципы наследственности, нескрещиваемости, ареальных условий обитания, существенно усложняясь и частично модифицируясь. Цивили-

зации подобны экосистемам, искусственное вторжение в которые необратимо приводит к их разрушению.

Цивилизационная теория уже достаточно давно стала одним из классических направлений в методологии исторического познания. Однако ее применение ограничивается преимущественно периодами Древнего мира и Средневековья. По отношению же к эпохе модерна цивилизационный анализ оказывается методологически затруднен. Трудности возникают при работе с динамическим материалом. При работе с периодами Древнего мира и Средних веков преобладает материал статичный, что облегчает задачу реконструкции цивилизационных обликов. При обращении же к трансформируемому обществу возникает объективная проблема разграничения констант и переменных. Константы, согласно с цивилизационной теорией, есть фундаментальные ценности цивилизаций, которые при всех общественных трансформациях остаются неизменными в содержании, хотя могут модифицироваться в формах. Если базовые ценности воспроизводятся, то это значит, что соответствующая цивилизация продолжает существовать, если же прерываются — цивилизация гибнет.

Обращение к методологии цивилизационного подхода позволяет определить ключевую исследовательскую задачу, заключающуюся в ответе на вопрос о цивилизационной идентификации Советского Союза. Варианты ответов могут быть различными. Первый вариант — СССР вообще цивилизацией не являлся, а представлял собой некий транзитный тип сообщества. Второй вариант — Советский Союз, созданный на платформе марксизма, являлся осколком западной цивилизации. Третий вариант — он принадлежал к некому новому универсальному типу технологической цивилизации. Четвертый вариант — советская общность являлась самостоятельной цивилизацией в истории мирового цивилизационного развития. Пятый вариант — СССР являлся одним из исторических этапов развития русской (российской) цивилизации ее предшествующим государственным воплощениям (Древней Руси, Московскому царству, Российской империи). В представленной работе обосновывается пятая из выдвигаемых позиций. Несмотря на идеологический разрыв с царской Россией, Советский Союз опирался на фундаментальные ценности восточно-православного мира, традиционные для России институции жизнеобеспечения и менталитет русского народа.

Принято считать, что «русская революция» привела сто лет назад к уничтожению выстраиваемой на традиционных ценностях российской православной цивилизации Империи. Но так ли это в действительности? В представляемой книге выдвигается тезис, что большевики были в реальности не низвергателями, а восстановителями российского государства-цивилизации, реставраторами Империи.

Действительно, СССР отказывался, казалось бы, от прежней религиозной платформы ценностного самоопределения России. Более того, развертывалась антирелигиозная атеистическая пропаганда и гонения на Церковь. Новая мировоззренческая система стала базироваться на диалектическом и историческом материализме. Однако христианские в своем фундаменте ценности российской цивилизации были и под вывеской советского проекта сохранены. Сказывалась инерция тысячелетней православной исторической традиции, вошедшей в природу жизни русского / российского человека. Кроме того, и в рамках реализации самого советского проекта были найдены формы и подходы организации общественной жизни, которые можно было бы определить как православные по духу. СССР не перечеркнул преемственной истории России, хотя попытки такого рода первоначально и предпринимались. Советский Союз выступил одним из исторических воплощений российской, православной по своему ценностному фундаменту, цивилизации.

Теория советской цивилизации занимает особое место в цивилизационоведении, имея в виду общую методологическую проблему цивилизационной модернизации периода индустриального перехода. Развилка оценок среди авторов, признающих факт существования самостоятельной советской цивилизации, варьируется от признания ее в качестве исторической пролонгации русской (российской) цивилизации, ее модернизационного переиздания, до представления о ней в качестве самостоятельного цивилизационного феномена, построенного на ее отрицании. Фактически идея об СССР как особой цивилизационной общности без использования самого понятия цивилизация выдвигалась в рамках дискурса русской идеи (позиция Н. А. Бердяева, в частности, о национальных исторических истоках русского коммунизма), евразийства (об отрицании большевизмом петровского европейского периода истории и возвращении на новом этапе в определенных чер-

тах к допетровской модели государственности), национал-большевизма (взгляд Н. А. Устрялова об имперостроительстве большевиков, фактическом восстановлении ими Российской империи), консервативной модернизации (особом типе модернизации в России с опорой на национальные традиции, а не в разрыве с ними, оцениваемой как со знаком плюс — В. В. Аверьянов¹, так и минус — А. Г. Вишневский²). Понятие «советская цивилизация» входит в научный оборот в западном научном дискурсе под влиянием распространения идей цивилизационного подхода А. Тойнби³. В ряду соответствующих обращений выделяется книга американского философа и общественного деятеля К. Ламонта «Советская цивилизация», с симпатиями автора к советской модели жизнеустройства⁴. В вышедшей уже в 1998 году книге «Soviet Civilization Between Past & Present» советская цивилизация рассматривается через ее репрезентации в массовой культуре советского и постсоветского времени⁵. Название «Основы советской цивилизации» использовал А. Д. Синявский при издании своего курса лекций, где он смотрел на феномен советскости прежде всего через призму художественной культуры. Понятие цивилизация использовалось в данном случае как внутренне противоречивое без принятия самой методологии цивилизационного подхода⁶.

В российском обществоведении и исторической публицистике понятие «советская цивилизация» получило широкое хождение благодаря книге с аналогичным названием С. Г. Кара-Мурзы. Автором проводилась мысль о переносе на советский проект ментальности и ценностных предпочтений русского общинного мира⁷. Существует между тем и противоположная позиция, что советский проект был в сущности своей технократический и антирелигиозный, а, соответственно, находился в диссонансе с православной российской цивилизацией.

¹ Аверьянов В. В. Всплывающая империя. М.: Наше завтра, 2022.

² Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ГУ–ВШЭ, 2010.

³ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. М.: Рольф, 2002.

⁴ Lamont C. Soviet Civilization. N.Y.: Philosophical Library, 1955.

⁵ Bryld M., Kulavig E. Soviet Civilization Between Past & Present. University Press of Southern Denmark, 1998.

⁶ Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. М.: Аграф, 2002.

⁷ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М.: Родина, 2019.

лизацией (Rabinovich E. I. «Red Golem: Criticism of Industrial Civilization in Soviet Culture and Mysticism During the Civil War»).

Большое значение для раскрытия темы советской цивилизации имеют публикации по направлению историко-культурной антропологии, реконструирующие модель «хомо советикус» (Зиновьев А. А. «Гомо советикус. Пара беллум»⁸; Маслов Д. В. Советский человек в условиях реформ 1980–1990-х гг.: теоретические вопросы изучения»⁹). Существуют различные ракурсы раскрытия этого образа, в том числе через реконструкцию истории советской повседневности (Орлов И. Б. «Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления»¹⁰, Лебина Н. «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю»¹¹). Важная роль в понимании феномена советской цивилизации принадлежит также раскрытию национальной политики СССР в направлении формирования единой идентичности Bassin M., Kelly C. «Soviet and Post-Soviet Identities»¹²). Отдельным измерением цивилизационного воспроизводства советского социума являются научные исследования по историко-демографической проблематике («Демографическая модернизация России, 1900–2000» / Под ред. А. Г. Вишневского¹³; Жиромская В. Б. «Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное»¹⁴). Имеются прецеденты рассмотрения внешних конфликтов Советского Союза через призму теории С. Хантингтона о «цивилизационных

⁸ Зиновьев А. А. Гомо советикус. Пара беллум. М.: Московский рабочий, 1991.

⁹ Маслов Д. В. Советский человек в условиях реформ 1980–1990-х гг.: теоретические вопросы изучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 141–151.

¹⁰ Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

¹¹ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М: Новое литературное обозрение, 2015.

¹² Bassin M., Kelly C. Soviet and Post-Soviet Identities. Cambridge University Press.

¹³ Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006.

¹⁴ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001.

войнах¹⁵ (Багдасарян В. Э. «Россия — Запад: цивилизационная война») ¹⁶. Отдельный тематический блок составляет проблематика исследования внутренних противоречий советской цивилизации с акцентом на латентное недовольство населения, осмысливаемое в дальнейшем в качестве причины распада СССР.

При большом разнообразии трудов, опосредованно связанных с феноменом советской цивилизации, приходится констатировать отсутствие разработок проблемы с применением к СССР критериев многопараметрового его рассмотрения в качестве особой цивилизации в различных проявлениях цивилизационного бытия.

¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.

¹⁶ Багдасарян В. Э. Россия — Запад: цивилизационная война. М.: Инфра-М., 2017.